

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-793-797

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА КАК МОДЕЛЬ СОЗНАНИЯ: ПРОЕКЦИИ ВНУТРЕННИХ ДЕМОНОВ НА СТЕНЫ

Аннотация. Статья представляет анализ феномена тюремной камеры как пространства, в котором внешняя ограниченность становится условием для внутренней встречи человека с самим собой. Рассматривается механизм проекции, посредством которого стены, решетки и предметы заключения наполняются образами внутренних конфликтов, страхов и подавленных влечений. Опираясь на концепцию Тени в аналитической психологии К.Г. Юнга, идеи М. Фуко о дисциплинарных пространствах, исследования сенсорной депривации и современные данные пенитенциарной психиатрии, автор показывает, что камера есть не просто место лишения свободы, но зеркало души, в котором осужденный встречает собственных демонов. Особое внимание уделяется терапевтическому потенциалу этой встречи: диалог с проецируемыми образами может стать путем к трансформации личности, тогда как их подавление ведет к усугублению внутреннего раскола и развитию психической патологии. На материале клинических наблюдений и философских концепций обосновывается тезис о том, что подлинное освобождение начинается не за стенами, а внутри них.

Ключевые слова: тюремная камера, сознание, проекция, Тень, архетип, аналитическая психология, изоляция, дисциплинарное пространство, сенсорная депривация, галлюцинации, трансформация, внутренний конфликт.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

PRISON CELL AS A MODEL OF CONSCIOUSNESS: PROJECTIONS OF INNER DEMONS ON WALLS

Annotation. The article presents an analysis of the prison cell phenomenon as a space in which external limitations become a condition for a person's internal meeting with himself. The projection mechanism is considered, through which walls, lattices and objects of conclusion are filled with images of internal conflicts, fears and suppressed drives. Based on the concept of Shadow in the analytical psychology of C.G. Jung, M. Foucault's ideas about disciplinary spaces, studies of sensory deprivation and modern data of penitentiary psychiatry, the author shows that the cell is not just a place of imprisonment, but a mirror of the soul in which the convict meets his own demons. Particular attention is paid to the therapeutic potential of this meeting: dialogue with projected images can become a path to personality transformation, while their suppression leads to aggravation of the internal split and the development of mental pathology. On the material of clinical observations and philosophical concepts, the thesis is substantiated that true liberation begins not outside the walls, but inside them.

Key words: prison cell, consciousness, projection, Shadow, archetype, analytical psychology, isolation, disciplinary space, sensory deprivation, hallucinations, transformation, internal conflict.

Введение: пространство как психическая реальность. Вопрос о том, как внешнее пространство соотносится с внутренним миром человека,

принадлежит к числу древнейших философских проблем. Платон уподоблял душу пещере, на стенах которой пляшут тени, принимаемые узниками

за подлинную реальность. Эта метафора обретает новую глубину, когда речь заходит о реальном, а не метафорическом заключении. Тюремная камера есть предельное воплощение ограниченного пространства, и в этой ограниченности она становится не просто местом отбывания наказания, но экраном, на который проецируются глубинные содержания психики.

Человек, попадая в камеру, приносит с собой не только тело, но и целый мир переживаний, воспоминаний, страхов и желаний. Лишенный привычных стимулов, оторванный от шумящего внешнего мира, он остается наедине с тем, что всегда было внутри, но заглушалось суетой повседневности. Стены камеры не только отделяют от свободы, они возвращают человека к самому себе. Как тонко замечает Гай Сондерс, парадокс одиночного заключения заключается в том, что в изоляции человек оказывается менее одинок: другие люди продолжают существовать для него, он может мыслить вместе с ними, вести внутренний диалог с теми, кто сформировал его как личность [1]. Но вместе с близкими в камеру приходят и демоны. Приходят те, кого он боялся, кого ненавидел, кем сам когда-то был или боялся стать. Приходит его собственная Тень.

Философская традиция экзистенциализма, особенно в лице Жан-Поля Сартра, дала нам формулу: «Ад – это другие». В тюремной камере эта формула переворачивается: ад – это отсутствие других, это одиночество, в котором человек остается наедине с собой. Но Сартр не случайно писал, что ад начинается тогда, когда исчезает возможность спрятаться за взглядом другого, когда некому подтвердить наше существование и не на кого переложить ответственность за наш выбор. В камере, лишенный зеркал в прямом и переносном смысле, человек вынужден сам становиться себе зеркалом. И это зеркало часто оказывается кривым.

Тень и проекция: психологические механизмы встречи с собой. Карл Густав Юнг, разрабатывая концепцию архетипов, уделял особое внимание фигуре Тени. Тень – это та часть психики, которая содержит вытесненные, непризнанные или неразвитые качества личности. Это не обязательно нечто злое, это просто то, что человек не хочет в себе видеть, что скрыто от его сознательного взора. Как отмечается в современных юнгианских исследованиях, Тень не следует воспринимать как некую четкую фигуру, которую можно вывести на свет и сделать полностью обозримой; это скорее направление психики, двигаясь в котором мы можем больше узнать о себе. Тень бесконечна и неисчерпаема, и встреча с ней всегда драматична. Юнг писал, что каждый из нас носит в себе Тень, и чем меньше она присоединена к

индивидуальной жизни, тем она чернее и гуще. В обычной жизни мы успешно избегаем встречи с ней, заполняя время работой, общением, развлечениями. Тюрьма лишает этих защит [2].

Механизм, посредством которого внутренние содержания Тени обретают внешнее воплощение, называется проекцией. В психологической литературе проекция описывается как сложная защита, включающая разделение общей оценки на положительный и отрицательный компоненты с последующим приписыванием себе светлого акцента и переносом темного на другого. В обычной жизни мы проецируем свои теневые качества на других людей: собственную агрессивность видим в окружающих, собственную жадность обличаем в ближнем. Но в камере, где других людей почти нет, стены начинают играть роль экрана. На них проецируется то, что раньше проецировалось на соседа, начальника, родственника. Стены не спорят, не сопротивляются, они принимают любую проекцию.

Узник, оставленный наедине с собой, неизбежно сталкивается с тем, что его внутренние демоны обретают форму. Тени на стенах, пятна сырости, трещины в штукатурке, игра света и тьмы – все это становится материалом для проекции. То, что испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет называл «я и мои обстоятельства», здесь сжимается до предела: обстоятельства почти исчезают, и человек остается лицом к лицу с собой. Но это лицо часто оказывается страшным. В психиатрической практике часто наблюдается, как заключенные, особенно в первые недели одиночного содержания, начинали видеть в узорах на стенах лица, фигуры, сцены насилия. Это не галлюцинации в строгом смысле, а скорее парейдолии – иллюзорное восприятие реальных объектов, когда мозг, жаждущий стимулов, достраивает неполные образы до знакомых и значимых. Но содержание этих образов говорит о том, что именно ищет и находит душа.

Архитектура как моральный фактор и зеркало души. Мишель Фуко в своем фундаментальном исследовании «Надзирать и наказывать» подробно анализирует, как тюремная архитектура становится инструментом воздействия на душу заключенного. Он обращает внимание на пенсильванскую модель тюрьмы, где принцип абсолютной изоляции рассматривался как средство нравственного преобразования. В тюрьме Черри Хилл, как цитирует Фуко, «стены наказывают за преступление, камера приводит заключенного к самому себе, он вынужден слушать свою совесть» [3].

В этой модели надзирателям не приходится принуждать, ибо принуждает сама материальность вещей. Заключенный, лишенный отвлече-

ний, погружается в молчание собственных страстей и вопрошает свою совесть. Католическая традиция быстро переняла эту технику квакеров: камера воспринималась как ужасный склеп, где вместо червей человека начинают точить муки совести, превращающие жизнь в преждевременный ад. Но одновременно для истинного христианина эта могила становилась колыбелью блаженного бессмертия. Архитектура здесь выступает не просто как оболочка, но как активный участник драмы. Стены не безмолвствуют, они говорят на языке, который узник неизбежно слышит. Но что именно он слышит? Голос совести или голос Тени?

Важно отметить, что разные типы тюремного пространства по-разному моделируют сознание. Камеры с высокими потолками и окнами под самым потолком, как в старых тюрьмах, создают иное переживание, чем низкие бетонные коробки современных следственных изоляторов. В первой архитектуре есть хотя бы иллюзия вертикали, устремленности вверх, возможности взгляда на небо. Вторая придавливает, лишает даже этого. Материал стен также имеет значение: холодный бетон, ржавый металл, осыпающаяся штукатурка – каждый из этих материалов обладает своей тактильной и эмоциональной фактурой, на которую психика реагирует бессознательно. Некоторые пациенты в камерах с сырыми стенами начинали видеть в пятнах плесени разрастающиеся органические формы, которые они интерпретировали как знаки разложения собственного тела или души. Другие, напротив, в царапинах на стене читали послания от предыдущих узников, вступая с ними в молчаливый диалог через годы и десятилетия.

Стэнфордский эксперимент и сила ситуации: рождение демонов из структуры. Филипп Зимбардо в своем знаменитом Стэнфордском тюремном эксперименте 1971 года показал, как тюремная среда трансформирует личность, высвобождая темные стороны человеческой природы. Обычные студенты, случайным образом разделенные на надзирателей и заключенных, уже через несколько дней демонстрировали чудовищные изменения: надзиратели начинали наслаждаться властью и унижать подопечных, заключенные впадали в депрессию и покорность. Эксперимент пришлось прекратить досрочно [4].

Зимбардо назвал этот феномен эффектом Люцифера: системные факторы – идеология, безграничная власть, снятие ответственности, анонимность – способствуют тому, что значительная часть людей начинает совершать насильственные действия. Важно подчеркнуть, что участники проходили тщательный отбор, исключавший людей с неустойчивой психикой и склонностью к

агрессии. И тем не менее. Это исследование проливает свет на то, как тюремное пространство не только принимает проекции, но и порождает новые теневые содержания. Человек, поставленный в позицию власти над беззащитным, встречает в себе такого монстра, о существовании которого не подозревал. Камера становится местом, где демоны не только являются изнутри, но и рождаются вновь из самой ситуации.

С психиатрической точки зрения важно различать два процесса: проекцию уже существующих бессознательных содержаний и их актуальное порождение под влиянием стресса, депривации и навязанной роли. В первом случае мы имеем дело с тем, что всегда было в человеке, но скрывалось. Во втором – с тем, чего не было, но что возникло как реакция на невозможные обстоятельства. Тюрьма опасна именно этой способностью творить новую тьму, а не только обнаруживать старую. Виктор Франкл, прошедший концлагерь, писал, что человек способен на любое зло, но также и на любое добро; вопрос в том, какие обстоятельства активируют ту или иную часть его существа [5]. Тюремная камера – это экстремальные обстоятельства, которые испытывают человека на прочность и часто ломают его, создавая монстров там, где были просто слабые или заблудшие люди.

Сенсорная депривация и встреча с архаическим. Современные исследования сенсорной депривации показывают, что ограничение притока внешних стимулов быстро приводит к глубоким изменениям психического состояния. Уже через несколько часов изоляции у испытуемых возникают трудности с концентрацией внимания, эмоциональная лабильность, а затем и иллюзорные восприятия. Мозг, лишенный нормальной сенсорной нагрузки, начинает сам производить стимулы, и эти стимулы черпаются из глубин бессознательного.

В тюремной камере этот процесс усугубляется многократно. Недели и месяцы одиночества приводят к тому, что грань между внутренним и внешним стирается. Сны становятся ярче и часто неотличимы от яви. Галлюцинации, особенно на начальных этапах, носят характер гипнагогических – пограничных между сном и бодрствованием. Затем они могут становиться более развернутыми, приобретая черты архетипических образов. В своей практике я фиксировал случаи, когда заключенные сообщали о явлениях им существ, которых они идентифицировали как демонов, ангелов, умерших родственников или мифологических персонажей. Культурный фон определяет конкретную форму, но структура переживания универсальна: встреча с иным, которое одновременно является глубоко своим.

Александр Гиршон в своих размышлениях о теневом мире выделяет три слоя: слой теневых персонажей, личную тень и архетипическую тень. Теневые персонажи – это относительно легко осознаваемые импульсы, с которыми человек может справиться: раздражение, зависть, похоть, жадность. Личная тень ощущается как равная «я», взаимодействие с ней требует серьезных усилий и часто сопровождается страхом: это те качества, которые человек не просто подавляет, но активно отрицает в себе. Архетипическая тень переживается как сила, большая, чем отдельная личность, – это встреча с коллективным бессознательным, с древними образами зла, смерти, разрушения, которые человечество веками проецировало на богов и демонов [6].

В камере человек может встретиться со всеми этими уровнями. Теневые персонажи являются в виде навязчивых мыслей, неожиданных желаний, импульсов агрессии или самоуничтожения, которые кажутся чуждыми, но при внимательном рассмотрении оказываются глубоко личными. Личная тень предстает как фигура внутреннего врага, с которым ведется непрекращающийся диалог, как с равным, но ненавистным противником. Архетипическая тень может явиться в снах и галлюцинациях, принимая обличье монстров, вампиров, пришельцев, зомби – тех образов, которые, как отмечают юнгианцы, появляются в сновидениях на первых этапах работы с Тенью, сигнализируя о приближении к глубинным слоям психики.

Диалог с тенью: терапевтический потенциал изоляции. И здесь открывается главный парадокс: камера, будучи местом предельного страдания, может стать местом исцеления. Диалог с Тенью, осознание и принятие своих подавленных сторон – это путь к индивидуации, к обретению подлинной целостности, о которой писал Юнг. Как пишет Кен Уилбер, первый шаг в работе с теневыми тенденциями – дать им волю, создать для них пространство, подружиться с теми неудобными чувствами, которые мы прежде презирали [6]. В обычной жизни у нас нет на это ни времени, ни сил, ни мужества. В камере – есть только это.

Конечно, возможность такой работы зависит от множества факторов: длительности срока, условий содержания, личностных особенностей, наличия поддержки. Без специальной психотерапевтической помощи встреча с Тенью чаще всего оборачивается катастрофой: человек не выдерживает напряжения и либо впадает в тяжелую депрессию с суицидальными мыслями, либо психотически декомпенсируется, либо, напротив, ожесточается и идентифицируется с Тенью, становясь тем монстром, которого встретил. Это путь в бездну. Но существует и другой путь, который

возможен при минимальной поддержке извне или даже при наличии внутренней психологической культуры.

В своей практике я наблюдал случаи удивительных трансформаций. Один пациент, осужденный за насильственное преступление, в первые месяцы заключения постоянно видел в углу камеры фигуру, которую называл «зверем». Зверь угрожал ему, насмехался, предрекал гибель. В ходе психотерапевтической работы удалось выяснить, что этот зверь воплощал ту часть его личности, которую он сам боялся и ненавидел, – ту самую, которая совершила преступление. Признав, что зверь – это он сам, не в переносном, а в самом буквальном смысле, пациент смог начать диалог. Он перестал бороться с видением и попытался его понять. Постепенно фигура менялась, теряла угрожающие черты, а через полгода исчезла совсем, уступив место спокойному принятию себя. Это не означало, что он оправдал свое прошлое, но он перестал отщеплять его от себя, и это стало началом настоящего исправления, а не просто внешнего соблюдения режима.

Заключение: освобождение внутри стен. Возвращаясь к метафоре Платона, можно сказать, что узник в пещере видит тени, принимая их за реальность. Освобождение начинается тогда, когда он понимает, что тени – всего лишь тени, проекции того, что находится за его спиной. В тюремной камере этот поворот возможен: от восприятия стен как враждебной реальности – к пониманию их как зеркала; от борьбы с демонами снаружи – к диалогу с демонами внутри.

Драматический текст, где Приговоренный разговаривает со своей Тенью, точно схватывает эту ситуацию: «Ты всего лишь заслоняешь свет», – говорит Тень. И Приговоренный отвечает: «Да, я всего лишь тюрьма, темная могила светлых сил, иллюзорная самоидентичность». В этом диалоге – суть того, что происходит с человеком в заключении: он встречает себя как тюрьму, как ограничение, как тьму. Но именно в этой встрече может родиться новое понимание себя.

Эпиктет учил, что человека тревожат не вещи, а представления о вещах. Тюремная камера – это вещь, предельно жесткая и реальная. Но то, что человек в ней переживает, определяется не только кубатурой и наличием решеток, но и тем, какие представления он привносит и какие образы проецирует на стены. Осознать проекцию как проекцию, увидеть за демоном свою собственную отвергнутую часть – значит сделать первый шаг к свободе, даже оставаясь за решеткой.

Тюремная камера как модель сознания – это не просто метафора. Это реальность, в которой внешнее и внутреннее перестают быть разделен-

ными. Стены становятся границами души, решетки – узорами навязчивых мыслей, замки – блоками чувств. И если человек способен увидеть за этими проекциями себя, если он способен вступить в диалог со своей Тенью, камера может стать местом подлинного освобождения. Не от тюрьмы, а от иллюзии, что мы – только светлая сторона себя, что тьма находится где-то вовне и с ней нужно бороться до уничтожения. Великие мистерии древности учили, что путь к свету лежит через встречу с тьмой. Тюремная камера, этот склеп при жизни, может стать местом такой мистерии – или местом окончательной гибели. Выбор, насколько он возможен в неволе, остается за человеком.

Список литературы:

- [1] Saunders, G. *Acts of Consciousness: A Social Psychology Standpoint* / G. Saunders. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 330 p.
- [2] Юнг, К. Г. *Архетип и символ* / К. Г. Юнг. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с.
- [3] Фуко, М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* / М. Фуко. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
- [4] Зимбардо, Ф. *Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев* / Ф. Зимбардо. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.
- [5] Франкл, В. *Человек в поисках смысла* / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.
- [6] Гиршон, А. Е. *Маленькая книга о тени* / А. Е. Гиршон. – Москва: Ridero, 2017. – 109 с.
- [7] Искандаров, Р. Р. *Анализ субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у лиц с психическими расстройствами и/или зависи-*

мостью в условиях лишения свободы / Р. Р. Искандаров // *Право и управление*. – 2025. – № 7. – С. 328–332. – EDN EQRFNA.

[8] Искандаров, Р. Р. *Суицидологическая уязвимость в пенитенциарной психиатрии: феноменология, философия и организация профилактики* / Р. Р. Искандаров // *Право и управление*. – 2025. – № 8. – С. 218–221. – EDN AJXHVI.

References:

- [1] Saunders, G. *Acts of Consciousness: A Social Psychology Standpoint* / G. Saunders. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 330 p.
- [2] Jung, K. G. *Archetype and Symbol* / K. G. Jung. – Moscow: Renaissance, 1991. – 304 s.
- [3] Foucault, M. *Supervise and punish: Birth of prison* / M. Foucault. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 s.
- [4] Zimbardo, F. *Lucifer effect: why good people turn into villains* / F. Zimbardo. – Moscow: Alpina non-fiction, 2013. – 740 s.
- [5] Frankl, W. *Man in Search of Meaning* / W. Frankl. – Moscow: Progress, 1990. – 368 p.
- [6] Hirshon, A.E. *A little book about shadow* / A.E. Hirshon. – Moscow: Ridero, 2017. – 109 s.
- [7] Iskandarov, R. R. *Analysis of the subjective experience of limiting will, autonomy and choice in persons with mental disorders and/or addictions in prison* / R. R. Iskandarov // *Law and management*. – 2025. – № 7. – S. 328-332. – EDN EQRFNA.
- [8] Iskandarov, R. R. *Suicidological vulnerability in penitentiary psychiatry: phenomenology, philosophy and organization of prevention* / R. R. Iskandarov // *Law and management*. – 2025. – № 8. – S. 218-221. – EDN AJXHVI.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.